

Квинтилий Вар, верни мне мои легионы!

*Реакция императора Августа
на известие о судьбе наместника Германии
(по версии Светония)*

Пролог

Германия, 12 г. до н. э.

Мальчик крепко спал, но его энергично потрясли за плечо и разбудили. Открыв опухшие от сна глаза, он увидел склонившуюся над ним фигуру. В слабом свете лампы отцовское лицо — бородатое, обрамленное густыми космами, с пронзительными глазами — напугало его, и он отпрянул.

- Всё в порядке, медвежонок. Я не призрак.
- Что такое, отец? — пробормотал мальчик.
- Хочу кое-что тебе показать.

За внушительной фигурой отца стояла мать. Даже во мраке хижины, еще не до конца пробудившись ото сна, мальчик видел, что мать недовольна. Он снова посмотрел на отца.

- Мама идет с нами?
- Нет, это мужское дело.
- Но мне всего семь лет.
- Это неважно. Я хочу, чтобы ты это увидел.

Вылезай из постели. Одевайся.

Отцовское слово было законом. Выскользнув из-под теплой медвежьей полости, он сунул ноги в башмаки, стоявшие возле низкой кровати. Затем потянулся за плащом, который служил вторым одеялом, и набросил его на плечи.

- Я готов.
- Пошли.

Когда они проходили мимо матери, та протянула к сыну руки.

— Сегимер! Не надо! Не делай этого!

Отец резко обернулся.

— Он должен это видеть.

— Он слишком мал.

— Не перечь мне, женщина! На нас смотрят боги.

Поджав губы, мать отступила в сторону.

Мальчик сделал вид, будто ничего не видел и не слышал. Следуя за отцом, он прошел мимо спящих рабов, тлеющего огня в очаге, кухонных горшков и деревянных ларей для хранения припасов. Двери располагались посередине длинной хижины, одна напротив другой. Из второй тянуло теплом хлеба, оттуда же доносились густые запахи и звуки его обитателей: мычание коров, хрюканье свиней, блеяние овец.

Прежде чем выйти наружу, отец мальчика поставил лампу и оглянулся.

— Пошли!

Мальчик шагнул за порог. В небе над его головой сияли звезды, но все равно ночь была темной и пугающей. Ему это не нравилось, но отец позвал его за собой. Он вышел из дома и глубоко вдохнул стылый, влажный воздух. Наполнивший ноздри холод тотчас напомнил о том, что зима уже наступает на пятки осени.

— Куда мы идем?

— В лес.

Мальчик насторожился. Днем ему в лесу нравилось: он мог играть с друзьями в охотников, мог состязаться с ними в том, кто лучше умеет находить оленьи следы. Однако ночью никогда там не бывал. Сейчас лес будет миром теней, полный привидений, свирепых зверей и — лишь боги ведают — чего еще... Сколько раз его будили воющие на луну волки! Что, если они их сейчас встретят?

— Поторопись! — Отец уже ушел далеко вперед по тропинке, ведущей прочь из селения.

Страх остаться одному перевесил страх перед тем, что таялось за хижинами, и мальчик поспешил за отцом. Он хотел

спросить у отца, можно ли взять его за руку, но заранее знал, что тот ответит. Идти рядом с отцом лучше, чем в одиночку. Длинный меч, выделявший Сегимера среди соплеменников как человека знатного, также внушал уверенность. При каждом шаге он постукивал по отцовскому бедру, напоминая мальчику о том, что его отец — неустрашимый воин, как и любой мужчина племени херусков, а может, даже еще сильнее и храбрее.

— Куда и зачем мы идем? — спросил он, слегка осмелев.

Сегимер посмотрел на сына.

— Мы станем свидетелями жертвоприношения, какого ты еще никогда не видел.

Внутри у мальчика похолодело от волнения и страха. Ему хотелось узнать больше, но строгий тон отца и то, что они шли быстро, заставили его придержать язык. Самое главное — не отставать.

Они прошли мимо ряда длинных хижин. Под ногами чавкала грязь. Возле одного из домов на них залаяла собака, и ее тьякканье подхватил целый собачий хор. Несмотря на лай, в селении по-прежнему было тихо. Все спят, понял мальчик. Значит, уже глухая ночь. Он довольно улыбнулся. Одно дело — не ложиться вместе с друзьями спать, чтобы посмотреть свадебный пир, и совсем другое — пойти ночью в лес. Это настоящее приключение.

Идти же рядом с отцом, которого он обожал, еще большая радость. Сегимер не был злым или грубым, как родители других мальчишек, просто у него не хватало времени на сына. Сдержанный, суровый, он всегда был чем-то занят: решал дела племени вместе с другими знатными воинами, охотился или же где-то отсутствовал, воюя с римлянами. Как хорошо, что они сейчас вместе, решил мальчик.

Тропинка вела в лес, простиравшийся к югу от их селения. По словам отца, все земли херусков поросли лесом, но вокруг крупных селений бóльшая часть деревьев была вырублена под поля и пастбища. К западу протекала река, источник воды и разнообразной рыбы. Расположенные к востоку и западу небольшие поля давали зерно, овощи и траву

для домашних животных. Роспий к югу от селения лес давал дрова для костров. Здесь же обитали олени и кабаны, чье мясо шло на стол племени, а в его непролазной чаще затаились священные места, где жрецы вели разговоры с богами.

Наверное, они идут в одно из таких мест, подумал мальчик. К нему снова вернулась тревога. Хорошо, что отец не видит, как он дрожит от страха. Он ни разу не осмеливался заходить в эти рощи. Однажды они с друзьями, осмелев, заглянули в одну из них. Рогатых бычьих черепов, прибитых к деревьям, хватило, чтобы они, онемев от страха, бегом бросились в деревню. Сегодня ночью они с отцом вступят под сень такой рощи...

Между тем они с отцом вошли в лес. По спине мальчика побежал ручеек пота. Будь храбрым, сказал он себе. Не смей показывать, что тебе страшно, ни сейчас, ни потом. Это навлечет позор на семью и на отца.

Несмотря на всю его решимость, когда из-за дерева появилась фигура в плаще, с копьём в руке, он вздрогнул. Человек приветственно поднял руку.

— Сегимер!

— Тудрус!

Мальчик успокоился. Тудрус был одним из самых верных воинов отца, знакомым с малых лет.

— Ты разбудил своего медвежонка.

— Верно.

Рука Сегимера на миг ласково легла на плечо сына. Тот был благодарен за это прикосновение.

— Ты готов, приятель? — спросил Тудрус.

Мальчик не понял, что имелось в виду, но все-таки кивнул.

— Отлично.

Сегимер посмотрел на тропу, уходившую на запад, где та соединялась с тропой, по которой они пришли из селения.

— Придет еще кто-нибудь?

— Все уже здесь. Бруктеры, хатты, ангриварии и тенктеры. Даже марсы послали своих знатных воинов.

— Донару понравится, что многие решили прийти, — сказал Сегимер и посмотрел на небо. — Нам нужно поторо-

питься. Скоро луна будет в зените. По словам жрецов, именно тогда они и должны умереть.

Тудрус что-то проворчал в знак согласия.

Тогда они должны умереть. Что это значит? Подавив тревогу, мальчик снова поспешил за отцом.

БУУУУУУУ!

Мальчик испуганно бросился вперед. Он быстро взял себя в руки, но успел заметить, как Тудрус улыбнулся. Отец нахмурился, взглядом велел ему стоять и не двигаться.

БУУУУУУУУ! БУУУУУУУУ!

На этот раз мальчик даже не шелохнулся. Станный звук, должно быть, доносился из рога, в который трубил кто-то из жрецов, но казалось, будто это о своем прибытии в рощу вещает демон или даже сам бог. Прошло десять ударов сердца, затем двадцать, но никто так и не появился.

Взгляд мальчика скользнул налево, затем направо, к скрытому тенью пространству. Оно пугало даже больше, чем он мог подумать. Страшноватой была даже ведущая туда тропинка — извилистая, грязная, а с обеих ее сторон простирались болота. Вход — грубо сколоченная деревянная арка, украшенная черепами домашнего скота, — был немногим лучше. Но страшнее всего — священный круг дубов, пятьдесят шагов в поперечнике, в котором теперь он ждал вместе с отцом, Тудрусом и большой группой воинов. От страха у мальчика схватило живот.

В центре круга высилась пара алтарей, огромных каменных глыб. Их словно вырубили из толщи скалы какие-то гиганты. На одном из них был сложен погребальный костер. Поверхность другого покрывали зловещего вида бурые пятна. Перед алтарями пылал огромный костер — единственный источник света в роще. Рядом с костром — два стола. На одном разложены ножи, коловороты, щипцы и молоты. На втором ничего не было, зато с четырех ножек свисали веревки, красноречиво говорившие о его назначении.

Мальчик ожидал увидеть здесь привязанных животных. Ему уже доводилось бывать на религиозных церемониях у себя в селении, когда в жертву богам приносили коров и

овец. Однажды он стал свидетелем того, как в жертву приносили кабана. У него в ушах до сих пор стоит его визг...

БУУУУУУУ! БУУУУУУУ! БУУУУУУУ! Звук доносился откуда-то из-за алтарей.

— Вон они! — шепнул ему отец.

Сгорая от любопытства, мальчик привстал на цыпочки и вытянул шею.

Из чащи леса появилась процессия. Первыми, трубя в рога, шли два жреца в длинных одеяниях. За ними следом помощники жрецов вели двух красивых белых кобылиц. Лошади тащили колесницу, на которой стоял старый, согбенный жрец. Голова его была опущена, но мальчик знал: жрец вслушивается в ржание и фыркание священных животных, ибо это не что иное, как послания богов. За колесницей шествовали еще четыре жреца, также дувшие в рога.

Однако внимание мальчика привлекли жалкие фигуры, что едва плелись следом за ними. Восемь человек, веревками связанных вместе за шею и запястья. Семеро из них носили короткие светлые туники, перехваченные в поясе ремнями. Наряд восьмого — из красной ткани, и он единственный был в шлеме со странным поперечным гребнем из красных и белых перьев.

— Римляне! — в ужасе прошептал мальчик. Он как-то раз уже видел тела убитых врагов своего народа, когда неприятельский дозор попал в засаду, устроенную его отцом. Сегодня он впервые увидел живых римлян. Правда, эти были безоружны. Даже на расстоянии, в тусклом свете костра ему были хорошо видны синяки и раны на их телах. Позади пленников шел десяток крепких воинов, вооруженных длинными копьями.

Ему почему-то сделалось не по себе. Эти людей явно ждет что-то нехорошее. Отец железной хваткой сжал его плечо и шепнул на ухо:

— Ты видишь этих мерзавцев?

Мальчик кивнул.

— Римляне — наши враги. Их империя простирается так далеко, что до ее края не дойти за целый год, но им все мало. Он все время пытаются завоевать чужие земли. Вот уже много лет их вождь Август, — отец как будто выплюнул это имя, — пытается установить над нами свою власть. И не только над нами, но и над нашими братьями, хаттами, марсами и ангривариями. Он хочет, чтобы мы стали его подданными, стали пылью под пятой их армий. Но этому никогда не бывать!

— Никогда, отец, — согласился мальчик, вспомнив, что случилось, когда римляне приходили сюда в прошлый раз. Было много убитых, в их числе — его тетя и два двоюродных брата. — Мы его остановим.

— Да, его самого и его проклятые легионы. Я поклянусь в этом вместе с другими воинами. Да будет Донар тому свидетелем. — Сегимер улыбнулся сыну, что делал крайне редко. — Ты тоже принесешь клятву.

Мальчика охватило ощущение чуда.

— Я, отец?

— Да, и ты, медвежонок. Вот поэтому мы здесь.

Сегимер прижал палец к губам, затем указал на поляну.

Трубачи встали по бокам от алтарей и смолкли. Взгляды всех и каждого обратились к старому жрецу. Тот спустился с колесницы и, шаркая ногами, приблизился к огню. Лошадей увели прочь, пленников бесцеремонно подтолкнули к столам.

— Благодарим тебя, о Донар, за то, что не оставляешь нас. — Несмотря на его немощный внешний вид, голос у жреца оказался сильным. — Твои молнии хранят нас и защищают, твои грозовые облака приносят нам дождь, без которого наши хлеба высохнут и погибнут. Когда мы сражаемся с нашими врагами, твои силы помогают нам в бою, и за это мы вечно тебе благодарны!

По толпе собравшихся прокатились одобрительные возгласы. Воины прикоснулись к своим амулетам и зашептали слова молитвы.

— В последние годы мы каждое лето нуждались в твоей помощи. Хищники вроде этих... — жрец длинным, кривым ногтем указал на пленников, — приходят в наши края тысячами, неся с собой смерть и разрушение. Никто не защищен от их грабежей, от их кровожадности. Мужчин, женщин, детей, стариков и больных они убивают и уводят в рабство. Наши деревни эти хищники предают огню, похищают хлеба на наших пашнях и наш скот.

Воины разразились гневными возгласами. Костяшки пальцев отца, которыми тот сжимал рукоятку меча, побелели. Мальчик почувствовал, как в нем закипает ярость. Тетя и два ее сына — его двоюродные братья — были любимыми родственниками. Теперь их нет. Этих римлян обязательно нужно наказать.

— Мы собрались этой ночью, чтобы принести тебе дары, — нараспев продолжал говорить жрец. — Просить твоей помощи в борьбе с захватчиками. Чтобы они, потерпев поражение, бежали отсюда на дальний берег реки, которую они называют Ренусом. Чтобы они больше никогда не вернулись на наши земли и земли других племен.

— ДОНАР! — выкрикнул Сегимер.

— ДО-НАР! ДО-НАР! ДО-НАР! — взревели остальные воины. Мальчик присоединился к их хору, но его детский голосок потерялся в шквале их криков. — ДО-НАР! ДО-НАР! ДО-НАР!

— Поклянитесь! — приказал жрец, когда выкрики стихли.

Вперед шагнул Сегимер. Мальчика тотчас охватила гордость за отца.

— Я, Сегимер, вождь херусков, клянусь Донару, что не сложу оружия, пока римляне не будут изгнаны навечно с наших земель. Да покарают меня боги, если я сойду с пути борьбы!

Жрец молча наблюдал за тем, как один за другим воины приносили клятву, обещая, что будут сражаться до тех пор, пока враг не будет разбит и изгнан на другой берег реки. Черед мальчика настал в самом конце. В присутствии такого большого числа взрослых мужчин он сильно волновался, и

его голос немного дрожал, но, к его радости, никто не посмеялся над ним и не рассердился на него. Жрец даже одобрительно кивнул ему. Когда же он вернулся и встал рядом с остальными воинами, отец сжал ему плечо.

Жрец сделал знак рукой. Четыре его помощника схватили ближнего пленника, низкорослого римлянина с круглым лицом, и поволокли вперед. Тот упирался и лягался, но его бесцеремонно бросили на пустой стол и связали по рукам и ногам веревками.

Воцарилась мертвая тишина. Было слышно лишь, как стонет римлянин.

И все же мальчик по-прежнему не верил в то, что должно было произойти. Но нет. Стоило ему посмотреть на лица окружавших его воинов, внезапно ставшие такими строгими и холодными, как он окончательно укрепился в своих подозрениях. Его взгляд вернулся к столу и распростертой на нем жертве.

Старый жрец выбрал кривой железный коловорот и поднял его над головой.

— Без глаз римляне будут слепы. Они не увидят наших засад и ловушек, наших тайных лагерей.

Из груди собравшихся вырвался кровожадный вздох. Неужели сейчас?.. При мысли об этом мальчик вздрогнул.

Между тем жрец приблизился к столу. Два помощника жреца прижали голову римлянина к столу. Вопли пленника сделались еще громче.

Низкий голос что-то прокричал на неизвестном мальчику языке. Это кричал римлянин в шлеме. Он даже, насколько позволяли его путы, вырвался вперед. Его слова были обращены к жрецу, его помощникам и всем собравшимся воинам.

— Что он говорит, отец? — шепотом спросил мальчик. — Тудрус?

— Что они — воины, — тихо ответил Сегимер, — люди чести и не заслуживают, чтобы с ними обращались как с животными. Он просит, чтобы их убили с уважением.

— Он прав, отец?